

К.Д.: Основной целью нашей беседы является налаживание творческих связей между разделёнными тысячами километров регионами нашей страны, «собрание литературы русской» воедино, так сказать. Ведь известно, что многие регионы России в культурном отношении изолированы друг от друга, живут, не замечая того, что происходит у соседей. Можно ли говорить о некоей обособленности, особенности «поэтического» пространства СПб?

А.Д.: Основная обособленность поэтического пространства – от зрителей и слушателей. Часто люди не знают, что рядом с ними живут поэты, что рядом с ними живёт поэзия.

А если и знают, то часто предполагают, что это нытьё и чернуха. Но поэзия разнообразна. Только зритель и слушатель об этом и не предполагают.

Один мой друг выступал в детском саду. Воспитательница предупреждает детей: «Завтра к вам придёт настоящий, живой писатель».

«Всё вы врётё, – говорит мальчик. – Пушкин умер».

Такая ситуация повсеместна. Люди не знают о существовании хорошей, современной поэзии.

К.Д.: Какова степень пересечения «литературных тусовок»?

Д.А.: Если говорить о пересечении литературных тусовок, то будет видно, что в них, по-моему, происходит постоянная диффузия. Я принадлежу ко многим поэтическим союзам, как официальным, так и не официальным. И я вижу, как люди перетекают из мероприятия в мероприятие.

Мне кажется, это хорошо: нет замкнутости системы. Идёт постоянное обогащение за счёт вращения в разных кругах, за счёт общения. Для проведения какого-то мероприятия, это я как организатор говорю, я собираю поэтов и

поэтесс под конкретную задачу, и мне наплевать, они союзу принадлежат или одиночки. Главное – это их надёжность, ответственность, способность подобрать тексты под мероприятие, подача текста, энтузиазм. И для многих организаторов критерии такие же, но с некоторыми вариациями.

Так что литературные круги вращаются и входят друг с другом в зацепление.

К.Д.: За счёт чего происходит «обновление» в поэтическом пространстве СПб? То есть интересно появление новых идей и в какой-то степени форм: откуда они берутся – из среды СПб или «извне»?

А.Д.: Вообще, мэтры литературы говорят о конечности сюжетов и о том, что написано уже всё. Но, по-моему, синтезируются современные, самобытные стихи. Я часто слышу свежее, новое, интересное.

Так ли это свежо и ново, я не знаю. Это цепляет, заставляет задуматься, смеяться, плакать, испытывать эмоции. Силы для роста у каждого поэта свои. В сильной команде стыдно писать плохо. Восемь лет публикуя поэзию в журнале «Вокзал» я думал, что знаю многих. Но я вышел в поэзию баров и тусовок и нашёл новых талантливых авторов. И почти каждый раз на новом мероприятии я удивляюсь новым стихам новых поэтов. Это и новые поколения людей, это и выросшие авторы. Возможно, это и приехавшие в Петербург авторы.

Так ли важно, как обновляется пространство? Главное, что оно обновляется.

К.Д.: Очень интересен вопрос «продвижения» поэзии. Как это делается в СПб?

А.Д.: Мне кажется, что в Петербурге «продвижение» происходит, как и везде: создаётся мероприятие, приглашается народ

(это и личные звонки, и приглашения в ВКонтакте, бывает реальные афишки). На мероприятиях часто есть свободный микрофон, чтобы было интереснее приходиться поэтам, ведь поэтам необходимо читать своё. После мероприятия – фотоотчёты и отклики. Придумываются нестандартные подходы.

Ольга Василевская вместе с Поэтическим союзом «ИЛИ» читают стихи в трамвае каждую последнюю субботу месяца. Поэтический союз «ИЛИ» вообще мастер таких акций. Мастер по привлечению многих поэтов города. Мы читали на улицах стихи Пушкина, Гумилёва, отмечая Дни рождения поэтов, раздавая листовки с текстами поэтов-классиков.

«Игры Коншакова» – формат мини-спектаклей при участии стихов в прочтении авторов.

Ольга Жданкина для своего проекта «Поэзия – Экология Души» находит новые площадки, пишет специальные сценарии, чтобы это органично звучало. И, конечно, поиск новых форм, например, многие поэты «Поэзии – Экологии Души» воспроизводят свои стихи на языке глухих.

Саша Никонов проводит в Эрмитаже фестиваль «В Контексте Классики», каждый раз придумывая новое сочетание поэзии и изобразительного искусства. На фестивале этого года звучали стихи по объектам стрит-арта под живую симфоническую музыку.

На «Именинном Пирог» поэты-именинники читают себя и собратьев с печенькой и кружкой чая в руке. Чаще всего, конечно, звучат стихи именинников-классиков вместе с интересными фактами биографий.

На «Поэтическом Алфавите» современные авторы представляют поэта-классика и читают стихи на заданную литеу. На «Поэтических Перекрёстках» поэты пишут экспромты по картинам.

Нельзя не упомянуть о «Чемпионате Маяковского», проводимого Джамилем Ниловым. На «Чемпионате» поэты соревнуются в подаче стихов, в театрализации произведений в несколько этапов. Я против соревновательности в поэзии, но «Чемпионат» всегда собирает народ, и у него много фанатов.

Я привёл лишь малую часть, только то, в чём сам участвую. По сути, любое созидательное действие, связанное с поэзией, и есть «продвижение» поэзии.

К.Д.: Ответы подвели к очень важному вопросу... Степень активности каждого отдельного «поэта» сегодня выходит на первый план? Правильно я понимаю? То есть установка «талант всенепременно увидят» сегодня не работает? Необходимо личное продвижение? Понимают ли это в СПб сами писатели/поэты? И параллельно этому: насколько развиты в СПб «продвижения»? Речь идёт о тех людях/организациях, которые сами не производят тексты, а занимаются поиском и продвижением уже готовой литературы (в нашем случае поэзии)?

А.Д.: Сегодня, как, впрочем, и всегда, поэт больше, чем поэт. Он часто и организатор, и общественный деятель, и рекламщик, и актёр, и сам себе литературный агент. К сожалению, на мой взгляд, это мелко. Вместо генерации творческих идей, вместо написания новых текстов, вместо спасения мира и формулирования свежих философских идей, рисуем рекламу, предлагаем своё творчество на фестивали-конкурсы-издателям, собираем людей на концерты. Хотелось бы не только этого. Но если не автор, то кто? По сути, автор никому, кроме себя, не нужен, и ему нужно доказывать обществу, что он и его творчество необходимо. Не знаю, когда работала установка «непременно увидят»... Не помню такого. Автору по-прежнему нужно хотя бы творить и хотя бы отсылать написанное в редакции – заявлять как-то о себе. Литературных агентов я не встречал. Кажется, звонок в дверь! Может, это литературный агент? Нет. Не он. Продавец всякой чепухи опять что-то предлагал.

Издатель в Петербурге есть. И издатель заинтересован в хороших текстах. Но готов ли автор создавать такие тексты, которые имеет возможность продать издатель? Если да, то есть шанс издаваться. Тогда будет шанс гонорара. С недавнего времени в Доме Писателя работает секция, где могут встретиться издатель и писатель. Увидеть друг друга, пообщаться и составить план совместных действий.

И опять выходят на первый план расчёты с продажами книг. Чтобы продавать много книг, надо быть очень популярным, и всё равно где: во Владивостоке ли, Петербурге ли. И для этого надо работать, наверное, над популярностью, над текстами и с издателем.

К.Д.: Естественно, возникает вопрос об институтах критики. Насколько развита в

СПб эта составляющая литературного процесса (извините за казённый слог)? Во Владивостоке эта часть литературного процесса представлена минимально. На мой личный взгляд, те, кого называют литкритиками, скорее культурологи или даже рекламщики. Естественно, что в связи с достаточно «тонким культурным» слоем (и опять же, малым населением) такое положение дел понятно, но в случае с «плодородной почвой» СПб, можно предположить, что и эта (критическая) ниша развита в достаточной степени?

А.Д.: При союзе Писателей России есть секция критики. Я был на паре заседаний. На ЛИТО критика есть. Но... Эта критика досталась нам в наследство. Критика часто ориентируется на неприятия произведения, неприятия творческого акта, на поиске недостатков в произведении. На мой взгляд, нужно создавать новую критику. С другими основами. С другими принципами.

Каждый мнит себя критиком. Но при падении интереса к литературе литературу ругать вообще нельзя, тем более публично. Иначе зачем людям читать, если это ругают? Или ругать умно, чтобы хотелось прочесть. Я всегда стараюсь написать о прочитанной книге. Насколько это ценно, я не знаю. Главный посыл текста: что интересного в книге.

Кто из авторов пишет о книгах единомышленников? Из сотен знакомых поэтов я встречал такие отклики у одного-двоих. А хочется мнения, хорошего мнения о работе коллеги.

Я с хорошей критикой не сталкивался. И сейчас литературное пространство благодаря интернету может быть единым. И было бы хорошо, если бы Владивосток и Петербург и пространство между ними стало единым литературным полем с особой, востребованной поэтикой, с критикой, которая помогает и авторам, и читателям. Сказать, что критики нет в Петербурге совсем, – это значит соврать. Я знаю пару человек, которые трудятся именно в этом направлении. Книга одного из них стоит у меня на полке. Толстенная книга. И я её не читал. Может, этот разговор, а может, поднятые вопросы заставят меня прочитать этот фолиант.

А.Д.: Интенсивность творческой жизни во Владивостоке, какая она? В Петербурге можно каждый день провести

читая или слушая хорошие стихи. Бывают такие моменты, что приходится выбирать между несколькими мероприятиями, на которые хотелось бы пойти.

Основное поле проведения поэтических мероприятий во Владивостоке – это официальные площадки, такие как досуговые центры, залы Союза писателей? Или это книжные магазины, библиотеки? Может, бары? Кафе? Улица?

К.Д.: Нет, конечно, интенсивностью СПб Владивосток похвастаться не может. Причины этого – традиционные: 5-6 миллионов человек против 600-800 тысяч накладывают свой отпечаток. Тем не менее, «литературная жизнь», с определёнными поправками на численность популяции, существует в самых разных проявлениях. Площадками становятся и библиотеки, и кафе, и центры современного искусства, и «официальные площадки» вроде филармонии. Кстати, залов, принадлежащих одному из союзов писателей, во Владивостоке и ближайших окрестностях не существует, и под площадки для «официальных» презентаций используются библиотеки и залы Дома Офицеров Флота. Последнее, кстати, на мой взгляд, может восприниматься как особенность Владивостока.

В последние три-четыре года заметно активизировалось проведение презентаций книг в книжных магазинах. Но в этом случае, как мне видится, больший упор делается на прозу и на появляющиеся книжные новинки. Интерес книжных магазинов к проведению таких акций понятен и сродни интересу ряда ночных клубов, баров и кафе. То есть, всегда есть надежда окупить проведение такого мероприятия или на попутно продающихся книгах (как в случае с буксторами), или на выпивке и закуске (как в случае проведения чтений в кафе).

Естественно, что «значимые» и «окупающиеся» выступления, на которые народ не только идёт, но и готов платить, как за концерты, – это гастролы «звёзд» разлива Веры Полозковой, Ес Сои, Сола Моновой, т.е. те, кто к литературному процессу в провинции имеют более чем опосредованное отношение.

Вообще, так называемые «просветительские» проекты, за которыми, как правило, стоит олигарх-пенсиянер и культуртрегер (прости Господи за это словечко) Иван Шепета – это отдельная

тема, в которой просматривается желание провинциального поэта потешить своё самолюбие «встав в один ряд» с Куллэ, Остудиным, Месяцем или Кенжеевым. Подобная ситуация, кстати, характерна для большой доли «местных поэтов», как правило, старшего возраста и, на мой взгляд, говорит с одной стороны об оторванности «поэтического пространства Владивостока» и, с другой стороны, о стремлении «вписаться» в литературный процесс пусть даже не самостоятельной единицей, а на правах всего лишь «провинциальных поэтов круга того или иного известного автора». Т.е. речь в данном случае идёт не о создании собственной поэтики (за счёт чего – это отдельный вопрос), а за счёт присоединения к уже существующим образцам. Впрочем, это, действительно, уже совсем другая тема.

А.Д.: Поэтические фестивали Владивостока. Есть ли они? Как они проводятся? Массовость этих фестивалей.

К.Д.: После прекращения проведения литературного фестиваля «Берега», созданного издателем Александром Колесовым, на сегодня мы имеем два года проведения литературного фестиваля с провокационным названием «ЛиТР». То, что хэдлайнерами Литра выступают такие писатели, как Прилепин и Шаргунов, говорит о многом, в том числе и о направленности данного литературного фестиваля, чьи задачи позиционируются в поле, имеющем больше отношения к пропаганде, чем, собственно, к литературе.

Говоря о фестивалях, нельзя не привести в пример уникальный для Дальнего Востока проект «Чтиво», чьи «поэтические вечеринки», на которых читаются поэтические тексты, проводятся (с перерывами) с 2003 года. По сути, «Чтиво» превратился в единственную неформальную площадку (этакий постоянно действующий фестиваль поэзии Владивостока), прохождение через которую необходимо любому литератору, понимающему серьёзность своих претензий на место в литературном процессе. Главными чертами «Чтива» под руководством Андрея Вороного стали постоянство (раз в месяц – минимум) проведения вечеринок и определённая «всеядность», которая позволяет поэтам презентовать себя вне зависимости от принадлежности к тем или иным эстетическим группам. В результате «Чтиво» посещают и «молодые», и «маститые» литераторы, которые по разным причинам в

другой среде никогда бы не пересеклись и не смогли бы обменяться своими идеями и наработками. В этом плане «Чтиво» вполне можно сравнить со «звучащим литературным журналом». На подобную «всеядность» Андрею Вороному периодически пеняют и правые, и левые, пытаясь выстроить свои, альтернативные, проекты (как, например, проекты Кот Бродского, Класс Коррекции, поэтические баттлы), но тем не менее «Чтиво» продолжает притягивать к себе и хорошо известных во Владивостоке (и не только) авторов, и молодых поэтов. Особенно стоит отметить, что, в отличие от большинства «просветительских» проектов, где, как правило, происходит знакомство и обсуждение «образцов высокой литературы», «Чтиво» делает упор на происходящее «здесь и сейчас», тем самым выстраивая литературное пространство.

Поскольку, как уже говорилось, население Владивостока в сравнении с «столицами» незначительно, то и массовость каждого отдельного «мероприятия» колеблется от 10-15 человек (этакие квартирники) до 100 человек. Естественно, я не рассматриваю такие редкие фестивали, как уже помянутый «ЛиТР», по причине их ориентированности на всё что угодно (вплоть до гастрономии), кроме собственно литературы.

А.Д.: Мелькнула отсылка к «правым и левым»... Насколько политика замешана в литературу Владивостока? И правильно ли это?

Кто-то из литераторов описал союзы Петербурга: одни – коммунисты, другие – либералы. Но я не понимаю привязки вечного творческого процесса к непостоянным политическим течениям. Разве это не обмельчает литературу? Не понижает её градус с общечеловеческого до местного и ежесекундного?

На мой взгляд, чтобы писать о политике нужно обладать сверхталантом. И многое написанное в поле политики пахнет политикой, но не литературой.

К.Д.: Очень своевременный и, на мой взгляд, необходимый вопрос.

Политика, вне всякого сомнения, весьма плотно вписана в литературный процесс во Владивостоке. На мой взгляд, каждый автор в той или иной степени касается этой темы, высказывая свою трактовку откровенно политических событий, будь то проведение Русского

марша (Иван Шепета) или убийство Муаммара Каддафи (Андрей Вороной).

В конце концов, мы живём в весьма политизированном, конфликтном обществе и, естественно, что авторы реагируют на происходящее и волнующее не только их, но и тех, с кем они так или иначе соотносятся. По большому счёту, на мой личный взгляд, писать «о политике» гораздо более важно и ценно, чем постоянно транслировать рассуждение об особенностях своего внутреннего мира и рассказывать о том, как автор пишет стихи. Политика в этом плане и есть то самое общечеловеческое, о чём имеет смысл писать. В конце концов ни Гомер, ни Данте, ни Мандельштам, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Бродский не бегут от политики, и дело тут не в степени таланта, а в отношении к миру, во вписанности в него.

Да, конечно, есть масса примеров того, как от текста «пахнет политикой», но мне видится, что мои коллеги во Владивостоке вполне могут отличить литературу от политики и, почуяв «политИк амбрэ», отнестись к данному тексту именно как к политике, а не как к литературе. То же самое, как мне видится, происходит и с читателем/слушателем.

Другой вопрос, можем ли мы разглядеть литературу, скажем, в «Ди фанне хох», «Калифорния юбер аллес» и «Всё идёт по плану». Вот для этого, мне видится, и нужен талант читателя, слушателя и «понимателя».

Ну и естественно, привязывать литературу к течению – это действительно глупо. Может быть, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, во Владивостоке в восприятии текста существует некое отстранение от политических течений, что позволяет сосуществовать разнонаправленным эстетическим тенденциям.

Надеюсь, я ответил на ваши вопросы, которые (на самом-то деле) волнуют и меня тоже.

А.Д.: А можно ли говорить о численности населения или лучше говорить о процентном соотношении поэтов, литераторов и читателей? Об активности творцов. Конечно, объективно оценить сложно, но, мне кажется, что пять-десять лет назад не было такой движухи. Не было столько поэтических тусовок, не было столько литературных событий. Какова тенденция литературизации населения во Владивостоке? Мне кажется, что в

Петербурге стало намного больше пишущих. Причём, хорошо пишущих.

К.Д.: Естественно, лучше говорить о процентном соотношении, но тут мы упираемся в тот простой факт, что посчитать «процент творцов на душу населения» не представляется возможным. То есть, по большому счёту, конечно, можно, но это же не «доля вноса минеральных удобрений российского производства в земли фермерских хозяйств Нижнего Тимбукту». Подобные исследования достаточно затратны и большого интереса в плане возврата вложенных средств не имеют. На мой личный взгляд (не претендующий на достоверность, поскольку сам лично я таких исследований не проводил), доля «поэтов к населению» остаётся достаточно ровной для т.н. «региональных столиц». То же самое, как мне видится, касается и «потребителей поэзии». Вообще, на мой взгляд, подобные исследования, особенно региональных литературных тенденций и трендов – дело соответствующих кафедр, соответствующих университетов, и в этом плане на примере ДВФУ и специалиста Натальи Сергеевны Милянчук я вижу определённое движение в этом направлении... Но всё-таки, на мой взгляд, это движение (видимо, в связи с отсутствием должного интереса и соответственно финансирования) видится недостаточным.

Да, Вы совершенно верно говорите об «активности», но «активность» напрямую завязана на численность населения, определённый процент которого будет «целевой аудиторией». И именно за счёт ЦА и могут держаться и журналы, и издательства, и выступления. Вот, к слову, об издательствах и журналах: насколько распространена в СПб практика выплаты гонораров авторам, публикующимся в журналах или в издательствах?

Возвращаясь же к вопросу об активности, хотелось бы отметить, что персональная активность литераторов во Владивостоке достаточно высока. Более того, большинство литераторов из моего круга общения относятся к литературе именно как к профессиональной сфере, накладывающей на деятельность некий оттенок обязательности, что, на мой взгляд (не касаясь качества производимых текстов, качество – вообще отдельный разговор), определённый плюс литературной жизни Владивостока. То есть «тусовка» принимает затянувшуюся безработицу (переходящую

порой в тунейдство) Константина Дмитриенко, Александра Белыха, сложности с работой Ивана Кожина (Ахмадиева) и Андрея Вороного и т.п. как само собой разумеющееся, признавая данных персон «поэтами», «писателями». Такое отношение кажется мне в определённой степени новой ступенью развития литературного пространства, позволяющей говорить о наличии во Владивостоке (хоть и несколько аморфного) круга профессиональных литераторов и даже более узко – профессиональных поэтов. И, естественно, говоря о профессиональности, мы понимаем, что статус профессионала невозможен без определённой активности вовне. Как там говаривал Дали: «Художник – рисуй»? Вот именно такой подход, перенесённый на поэта/писателя (писатель – пиши), будь то замшелый традиционалист, отмороженный модернист, болтающийся от музыки к тексту квазирэпер и т.д. и т.п. видится мне характерным для Владивостока.

А.Д.: Я не говорю о том, что поэзия имеет больше прав на внимание. Я говорю о том, что без дивана спать неудобно, а без поэзии вполне можно обойтись. Тапочки нужны, чтобы не носить по квартире грязь с улицы. А поэзия имеет ли такие функции? Человеку нужны для жизни и удобства многие вещи. Какое место занимает поэзия? Я был свидетелем нескольких споров, происходивших в Петербурге. Мне кажется, что каждый автор должен ответить для себя на некоторые вопросы. Прежде всего, – зачем заниматься никому не нужным, на первый взгляд, делом? И как ненужное сделать нужным?

Я не совсем понимаю, как «активность» напрямую завязана на численность населения. Активность – это качество авторов. Я всё равно буду писать и читать стихи, есть у меня аудитория или нет. Костёр будет гореть, пока есть дрова, а количество согревающих у огня руки неважно. Пусть даже будет один верный понимающий зритель, я буду гореть для него. Да, хочется десятки, сотни, тысячи зрителей. Но надо сначала быть убедительным хотя бы для одного. Для этого и нужны новые формы подачи материала. Новые творческие идеи. Как таковой целевой аудитории у литературных журналов нет. Это писатели, которых опубликовали. Это те, кто привык читать, те, кто привык к толстым журналам. И журналы тоже ищут своего читателя.

Многие журналы выживают. Живут на гранты. На энтузиазме своих редакторов и издателей.

И, конечно, никаких гонораров, кроме авторского экземпляра, быть не может. Я не знаю современных поэтов, которые живут за счёт издания своих стихов. Современным поэтам можно ставить прижизненные памятники. Ведь они работают, занимаются бытом, пишут стихи и выступают.

В том-то и дело, что каждый пропагандирует себя. Пиарит себя. А мне кажется, что сегодня надо пиарить не себя, а поэзию. Один поэтический голос ничего не изменит. Нужен гул голосов. Веник не переломашь, а каждый прутик в отдельности – легко.

К.Д.: Вроде, я не увязывал «активность» и «численность населения». Действительно, эти вещи существуют отдельно. Хотя, конечно, вряд ли можно считать «активностью поэта» написание текстов для одного адресата. Мне вообще видится, что не вынесенный в пространство текст не является литературой. Он в принципе не существует. Наверное, уместно провести аналогию с котом Шрёдингера, который существует только в тот момент, когда наблюдается.

А.Д.: Не вынесенный в пространство текст не является литературой – интересная мысль, мимо которой я всегда проходил. Это, наверное, правильно. Только в современном обществе получается, что поэт трётся о ноги, запрыгивает на колени, а его скидывают, отпихивают. Ибо он царапается, оставляет шерсть, и на него аллергия.

Тогда кот от недостатка внимания начинает гадить в тапочки и драть диваны. Если идти по аналогии с котом... Обычным котом, конечно же. И всё дело в продукте, который поэт производит. Для чего люди заводят котов? Для чего людям читать поэзию? Да и вообще – читать? Тем более читать современную литературу? Ведь есть классика, испытанная, проверенная временем...

А.Д.: Я не говорю о том, что поэзия имеет больше прав на внимание. Я говорю о том, что без дивана спать неудобно, а без поэзии вполне можно обойтись. Тапочки нужны, чтобы не носить по квартире грязь с улицы. А поэзия имеет ли такие функции? Человеку нужны для жизни и удобства многие вещи. Какое место занимает поэзия? Я был свидетелем нескольких споров,

происходивших в Петербурге. Мне кажется, что каждый автор должен ответить для себя на некоторые вопросы. Прежде всего, – зачем заниматься никому не нужным, на первый взгляд, делом? И как ненужное сделать нужным?

К.Д.: Я не думаю, что поэзия имеет больше прав на внимание, чем любая иная сфера деятельности человека, в данном случае тот же диван или даже тапочки. Но мы совсем ушли от темы интервью. То есть заговорили о каких-то совсем уж общих вещах, и задаёмся философскими вопросами, на которые вряд ли есть ответы. Или всё-таки на эти вопросы («Для чего люди заводят котов? Для чего людям читать поэзию? Да и вообще – читать? Тем более читать современную литературу?») в СПб находят ответы? То, что я вижу во Владивостоке (я основываюсь во многом на своём личном опыте целеполагания литератора), сводится к презентации себя как «особого», «выделяющегося» из общей массы человека, «разговаривающего с богами». Этот феномен (возможно, провинциальный) заставляет многих из тех, кто позиционирует себя как поэт, отправляться в «столицы». Алексей Денисов, Вячеслав Крыжановский, Татьяна Зима, Лида Чередеева, Кира Фрегер, Вера Воинова, сейчас вот Юрий Кабанков – вот самый короткий список значимых для «приморской» поэзии авторов, которые покинули Владивосток в поисках (на мой взгляд) более «грамотной» публики. Перечисленные (а к ним можно добавить и Обжарова, и Петрову, и Шадрину, и Клекнер-Ивженко, и Рекачевского, и Алексея Дёмина, и Сидорова) по разному «устроились в литературе столиц», но по прежнему остаются «составляющей литературного поля» Владивостока. В этом, кстати, одна из уникальных черт поэтического пространства Владивостока, формирующемся (в том числе) и за счёт тех, кто уехал.

А.Д. В нашей беседе прозвучало слово «пропаганда». Мы по разному можем относиться к творчеству тех или иных литераторов, но ведь известные писатели прежде всего пропагандируют литературу, пропагандируют слово. И это их огромный вклад. Конечно, они задают вектор творчества для многих, диктуют темы и смыслы. Но это же вектор творчества. Вектор созидания. Что вы думаете по этому поводу?

К.Д.: Я всё-таки сторонник разделения мух и котлет, тем более что, говоря «пропаганда», я имею в виду не пропаганду чтения, слова, мысли и тому подобного (хотя и это, по большому счёту, имеет отношение больше к филологии и маркетингу, а не к собственно литературе). Я имею в виду пропаганду в том смысле, какой вкладывает в это слово д-р Геббельс, создавая Министерство Пропаганды.

Говоря о векторе творчества, мы должны понимать, что перед каждым автором стоит задача продвижения самого себя. И зачастую все эстетические устремления подразумеваются автором как призыв следовать за ним, ни в коем случае не впереди него, поскольку тогда не он задаёт этот вектор. А допустить такое, по понятным причинам, автор не может. Отсюда в результате и происходят хорошо нам всем знакомые оценки и деление на «хорошие», «плохие» и прочие тексты с аргументацией «я воспитан на образцах высокой литературы», как будто в наше время это какое-то особое достижение и край оригинальности.

А.Д.: Работают ли во Владивостоке Литературные Объединения? Происходит ли то, что старшее поколение литераторов называет литературной работой: правка текстов, упаковывание слов в определённые формочки?

Я могу назвать с десятков ЛитО Петербурга, как официальных, так и не официальных. Это Молодые Петербурги (поэтический и прозаический, при Союзе писателей России), ЛитО «Меловая Черта», ЛитО им. Гампер (некоторые ЛитО продолжают действовать после ухода мастера), ЛитО Лейкина, Лампа, Пиитер, Мастерская Ратнера (при Союзе Литераторов, руководит сейчас Евгений Дьяконов) и многие другие. Все они ведут работу по совершенствованию текстов. К каждому можно присоединиться. У каждого своё восприятие произведений. В большинстве случаев в основе разбора текстов лежит поиск в тексте недостатков и нападки на эти недостатки. Как вы, лично вы, относитесь к работе ЛитО? Какими должны быть принципы этой работы? По старинке: в идеологичности и поиске недостатков?

К.Д.: В классическом виде ЛИТО во Владивостоке, пережив период расцвета, сегодня практически не встречаются. Есть объединения, в том числе и при отделении

СП, но, как видится, они представляют собой нечто вроде герметичных клубов или даже «литературных сект». Вообще, мне видится (на примере Владивостока), что сегодня становится весьма актуальной проблема последователей. Авторы старшего поколения, заставшие ЛИТО доперестроечного образца, озабочены необходимостью создать «свой круг последователей», «свою школу», в которой они будут непререкаемыми авторитетами, определяющими «что и как». Эта проблема «наследничества» или даже «вождизма» характерна, кстати, не только для «зрелых» авторов, но и для молодых, стремящихся объединить вокруг себя ещё более молодых поэтов. Хорошо это или плохо, судить не могу, но то, что данное обстоятельство так или иначе влияет на существующее литературное поле, сегментирует его, выстраивает какие-то иерархии – это бесспорный факт. Думаю, что в этом плане СПб, невзирая на столичность и гораздо больший потенциал, мало чем отличается от «провинциального» Владивостока.

Ну и естественно, отвечая на очень важный вопрос о моём видении работы ЛИТО: мне кажется, что «идеологичность и поиск недостатков» – это путь в никуда. Сегодня как никогда остро стоит вопрос не о противодействии литературе, а о том, чтобы в каждом сегменте литературы найти достоинства и дать возможность этим зёрнам взрасти. В этом плане у меня неплохая школа участия в литобъединении «Серая Лошадь», позволяющая уверенно говорить о том, что объединение с очень «плавными» рамками более жизнеспособно, и деятельность его даёт гораздо больше литературных всходов, чем «традиционно советсконаправленные» методы возвращивания определённых талантов.

Ну и что касается того, что старшее поколение называет «литературной работой»: мне видится, что процесс укладывания в формочки, правка и т.д. и т.п. – интимный процесс, вроде того, что происходит за дверями спальни. Любой мало-мальски заинтересованный в слове автор, всего достигает самостоятельно, исходя из своих установок, позволяющих ему не плодить одну и ту же кальку, а говорить своим голосом именно то, что он считает нужным. Я уверен, что автор великолепно видит реакцию на свои тексты и соответственно принимает решение – устраивает ли его эта реакция или нет;

именно этого он хотел добиться от читателя/слушателя или чего-то другого... Конечно, есть в моих рассуждениях определённая доля утопического идеализма, поскольку во Владивостоке (как, наверное, и в СПб) достаточное количество т.н. графоманов (без негативных коннотаций), старающихся продвинуть прежде всего себя, а вовсе не текст... Но тут мы затронули тему более чем идеалистическую, и мой идеализм кажется вполне уместным.

И я снова возвращаюсь к самому началу, к одному из первых своих вопросов. Правильно ли я понимаю, что (как и московское) поэтическое поле СПб формируется во многом за счёт «приехавших» и привносящих в поэтику СПб (предполагаю, что таковая есть) новый взгляд из провинций? Или всё-таки формирование поэтического поля СПб подобно формированию поля во Владивостоке – т.е. за счёт «своих резервов»?

Понятно, что Владивосток, как и многие другие провинциальные города (будь то Благовещенск, Биробиджан, Хабаровск или Магадан) во многом ориентирован на происходящее в столицах. И вот тут возникает вопрос: а на что ориентирован СПб как одна из столиц – из Европы, Америки, всего мира? Мне видится очень важным понять эти устремления, как для нас, так и для вас.

Д.А. Я бы хотел перед анализом поэтического поля Петербурга поразмышлять не над философскими вопросами, а над чисто практическими. И жизненно важными. Вернуться к поэтическим котам.

Думаю, что большинство суицидов в творческой среде – от осознания своей ненужности, бесполезности. И отсюда же – стремление утонуть в алкоголе и наркоте. Общие ответы есть, для чего нужна поэзия и литература вообще, но я не уверен что мой ответ подойдёт для кого-то другого. Каждый должен ответить на него сам. И продолжение творчества является частью ответа.

Я повторюсь, что презентация себя не имеет смысла. Представлять нужно литературу и духовность. Но не так, как это делает реклама. Без навязывания. А себя представлять как часть чего-то большего. Представлять себя всё равно приходится. Деваться автору некуда. Литагентов нет. По

словам небезызвестного короля: всё приходится делать самому!

В Петербурге много поэтов со всей России. Я не уверен, что перемещение поэтической единицы делается во благо поэзии. В Москве и в Петербурге точно так же не живут за счёт поэзии. Даже те, кто издаётся, даже те, кто много пишет. Здесь зарплаты больше. Возможно. Утверждение «там лучше!» – абсурдно. Оно равносильно признанию «Я ничего не могу сделать здесь». Эта миграция не приведёт к изменению ситуации. К перемешиванию литературных начинок – может быть.

Поэт – это тот человек, который пишет и который зарабатывает поэзией. Но это невозможно. В книжных магазинах идёт наценка сто и более процентов. Даже если поэт сотрудничает с издательством, его деньги – в первоначальной стоимости книги. Вряд ли это будет больше 10 процентов. А значит, рублей 10. Для нормальной жизни в Петербурге нужно тысяч тридцать. А значит, нужно продать 3000 книг в месяц. Такие тиражи очень популярных книг расходятся за несколько лет. И я не видел тиражей поэтических книг более 500 экземпляров. Такая математика понятна?

И вот вопрос: если поэт не изменил ситуацию во Владивостоке, то что он может

изменить в Петербурге или Москве? В Петербурге избалованная публика. Поэты читают поэтам, друзьям и родственникам, если сумеют их затащить на мероприятие. Мы часто ездим по пригородам и в другие города, там теплее встречают, там собирается хоть какой-то заинтересованный народ. На ноябрьские длинные выходные знакомые едут читать в Москву, «Поэзия – Экология Души» – в Ригу, Поэтический союз «Или» – в Тихвин.

Я еду для получения ощущений, посмотреть незнакомые места, завязать знакомства. Хотя при наличии интернета выходить из дома необязательно, чтобы читать во Владивостоке. Это у Есенина не было выбора: читать коровам или читать людям. Борис Корнилов приехал в Петербург показать рукописи Есенину.

А сейчас, не сходя с дивана, я могу показать рукописи кому угодно, где угодно. О формировании литературного поля из приехавших я не много знаю, я у поэта не спрашиваю прописку, я слушаю его стихи. Я не могу сказать за всех, на кого ориентирован Петербург. Мне кажется, что кто-то пиарит себя, а кто-то любит литературу. Смотреть на столицы или за границу и тем более ориентироваться на них – бессмысленно.

Важнее смотреть в своё сердце.